

Провозглашение курса поворота на Восток, которое связывается с украинским кризисом, имеет более давние корни. Но за это время не было внесено ясности в содержании этого поворота. Нет и конкретных предложений по реализации этого проекта.

Во-первых, непонятно, к какому «Востоку» Россия планирует поворачиваться? Восток воспринимается как нечто единообразное и неделимое. Но это является ошибкой. Восточные государства и общества отличаются друг от друга. Разнообразие существует не только по религиозному признаку (мусульманская часть — на западе, буддистская, индуистская, конфуцианская и другие — на востоке). Неоднородность существует даже внутри одного государства. В качестве примера приведем Китай, Малайзию, Таиланд. Часто некоторые отталкивать могут от сотрудничества, некоторые — притягивать. Поэтому необходимо более чётко выделить приоритеты.

Во-вторых, ошибочным является противопоставление условного «Запада» условному «Востоку» в определении перспектив для развития внешнеполитического курса. Это еще больше разделяет российское общество в момент, когда необходима консолидация вокруг базовых ценностей.

Поворот не должен быть лишь временной реакцией на сложившуюся ситуацию. Восточная политика должна быть одним из основных направлений развития страны. Такая политика должна быть более осознанной и более понятной не только властям, но и восточным партнёрам.

Ускорить этот поворот может улучшение имиджа России в глазах партнёров через увеличение сотрудничества. Россия должна приобрести свою предметность, особенно в Юго-Восточной Азии, из-за наукоёмкости экономик стран этого региона. Должны более эффективно использоваться возможности инвестиций граждан восточных стран. Россия к своей политической привлекательности должна добавить экономическую рентабельность. То есть сотрудничать с Россией должно быть выгодно не только с точки зрения мировой политики, но и с точки зрения экономики.

Россия нуждается в более ярко выраженном восточном векторе внешней политики. На это подталкивает несколько причин. Во-первых, необходимость осмысления опыта внутренних реформ восточных стран. Российская политическая система с каждым годом становится все более и более неэффективной. При этом нужно учитывать не только прогрессивный опыт (китайский, «азиатских тигров»), но отрицательный. Во-вторых, должен быть взят на вооружение принцип расширения деятельного поля внешней политики для обеспечения себя большим количеством альтернатив. В-третьих, нужно учитывать необходимость обновления экономической структуры российского государства. Два эти причины идут в связке так, как ограниченность внешнеполитических альтернатив уменьшает доступ к ресурсам, необходимым для перестройки экономики. А эта задача является наиболее насущной для функционирования российского государства. В-четвёртых, использование слабостей экономик других стран в своих целях. Под этим имеется в виду возможность для России стать представленной на рынках соответствующих задачам странам. Для наглядности предложим пример: экономические отношения между Китаем и Россией развиты намного слабее, нежели политические связи. Но Москва может их развить, если будет учитывать слабость китайского народного хозяйства, которая связана с исчерпанностью экстенсивной модели развития. Пекин стремится к переходу к противоположной модели, то есть к интенсивности экономической деятельности. Но Китаю не хватает инфраструктурной базы для подобного переворота. Москва может предложить китайской элите свою помощь для решения этой проблемы с пользой для себя.

Москва не должна делать самоцелью восточную политику. Этот поворот должен гармонично встраиваться в задачу повышения эффективности управления. Для этого необходимо пересмотреть отношения и с Западом, и с Востоком, так как конфронтационная основа поворота может привести к неправильным решениям в виду роли Востока в качестве «единственного пути развития».